

О жанровой природе исторической песни: русско-эрзянский контекст

А. М. Шаронов

*Научный центр социально-экономического мониторинга,
г. Саранск, Российская Федерация,
sharon.ov@mail.ru*

Е. А. Шаронова

*Национальный Исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sharon.ov@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье даётся понятие эрзянской исторической песни как эпического жанра, пришедшего на смену героико-мифологическим и эпико-героическим песням, повествующим о возникновении мира, человека и эрзянской государственности; обозначаются важнейшие особенности её поэтики и эстетики, сюжетно-тематические циклы и жанровые группы песен с их важнейшими персонажами.

Цель: выявить жанровую специфику эрзянской и русской исторической песни, опираясь на современные научные и исторические представления.

Материалы исследования: тексты исторических песен XVI–XVIII веков, архивные и опубликованные материалы.

Результаты и научная новизна. Сформулировано понятие эрзянской исторической песни, выявлено своеобразие её сознания, пространства и времени по сравнению с сознанием, пространством и временем героической песни, обозначена связь сюжетов исторических песен с конкретными историческими событиями и лицами, констатируется поэтическая и тематическая общность эрзянских исторических песен с русскими историческими песнями.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении установлено, что сознание, пространство и время героической песни не имеют исторической конкретизации, а сознание, пространство и время исторической песни исторически детерминированы.

Ключевые слова: жанр, историческая песня, эрзянская историческая песня, русская историческая песня, поэтика, эстетика, сюжет, персонаж, жанровая группа, сознание, пространство, время.

Для цитирования: Шаронов А. М., Шаронова Е. А. О жанровой природе исторической песни: русско-эрзянский контекст // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 120–129.

About the genre nature of a historical song: Russian-Erzya context

A. M. Sharonov

*Scientific Center for Social and Economic Monitoring,
Saransk, Russian Federation,
sharon.ov@mail.ru*

E. A. Sharonova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sharon.ov@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article gives the notion of the Erzya historical song as an epic genre, which replaced the heroic-mythological and epic-heroic songs telling about origin of the world, man and Erzya state system. The

most important features of its poetics and aesthetics, plot and thematic cycles and genre groups of songs with their most important characters are considered.

Objective: to reveal the genre specifics of Erzya and Russian historical songs, based on modern scientific and historical ideas.

Research materials: lyrics of historical songs of the XVI–XVIII centuries, archival and published materials.

Results and novelty of the research: the notion of the Erzya historical song, the originality of its consciousness, space and time compared with the consciousness, space and time of the heroic song is revealed; the connection of the plots of historical songs with concrete historical events and persons is revealed; poetic and thematic community of Erzya historical songs with Russian historical songs is ascertained.

The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time in Russian literary criticism it has been established that the consciousness, space and time of the heroic song have no historical concretization, but the consciousness, space and time of the historical song are historically determined.

Key words: genre, historical song, Erzya historical song, Russian historical song, poetics, aesthetics, plot, character, genre group, consciousness, space, time.

For citation: Sharonov A. M., Sharonova E. A. About the genre nature of a historical song: Russian-Erzya context // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (1): 120–129.

Введение

Некоторые тексты эрзянских исторических песен записаны в XVIII в., систематические их записи относятся ко второй половине XIX – началу XX в., когда собирательскую работу вели П. И. Мельников-Печёрский, Х. Паасонен, А. Ф. Юртов, М. Е. Евсевьев. В то время печатались отдельные исторические песни только как образцы, и не давали полного представления о жанре. Как образцы они представлены и в I т. «Устно-поэтического творчества мордовского народа» [27]. В раздел исторических песен включены мифолого-эпические песни о царе Тюштяне и о строительстве Казани. В 60–70-е гг. XX в. в «Мордовской народной эпической песне» [16] А. И. Маскаева, в кандидатских диссертациях М. Ф. Ватаниной [4] и А. М. Шаронова [30] сформулировано понятие исторической песни, что позволило издать исторические песни в серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» [28]. Том составлен на основе публикаций XIX–XX вв. и текстов, извлечённых из архивов Мордовии, Москвы, Ленинграда, Горького, записей составителя. Впервые опубликованы оригинальные варианты песен о взятии Казани (№ 1), о Петре Павловиче-Пугачёве (№ 147, 148), о крещении (№ 121, 125, 128–129) [31], о полоне, записи на русском языке. Тексты образовали 7 циклов: 1) «Мордовские старейшины и русский мурза», 2) «Мордовская девушка и русский царь»,

3) «Песни о полоне», 4) «Песни о крещении», 5) «Песни о Пугачёве», 6) «Песни о царе Петре Павловиче», 7) «Песни о царе Павле Петровиче».

С публикацией тома эрзянские исторические песни изданы почти в полном объёме. Но проблема определения жанра сохранялась. А. И. Маскаев под исторической песней понимал «песни исторической тематики», многожанровую группу произведений, одни из которых напоминают былинку, другие – балладу, третьи – лирическую песню и т.д. [16, 296–297]. О русских исторических песнях аналогичная мысль высказывалась В. И. Чичеровым [29], Л. И. Емельяновым [6] и др. Л. И. Емельянов, подобно В. К. Соколовой [26], считал, что исторической песню делает не то, как она обращается с конкретным фактом, а то, что он присутствует в ней теми или иными своими сторонами [7, 202]. При таком понимании неясной представлялась поэтическая природа жанра, его художественный метод.

Материалы и методы

Материалами явились тексты исторических песен из сборников «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» [27; 28] и «Исторические песни XIII–XVI веков» [9] и теоретические исследования.

Методологическую основу составили историко-типологический, историко-генетический, историко-культурный и сравнительно-исторический методы.

Результаты

Под «эрзянской исторической песней» понимаются эпические и лиро-эпические песни эпохи образования Московской Руси и централизованного русского государства, повествующие об исторических событиях и лицах XVI–XVIII вв. и выражающие взгляд народа на них. События и лица – объект изображения, народный взгляд на них – предмет изображения.

Историческая песня развивалась веками, поэтому возникли произведения, отличающиеся тематикой и художественными особенностями. Сформировались жанровые группы исторических песен [1, 185]. Жанровые группы, представленные тематическими циклами, входят в одну художественную систему и отражают эволюцию жанра: ранние исторические песни сохранили связь с героическим и богатырским эпосом, поздние подверглись влиянию лирической песни и балладных форм.

Неоднозначность критериев в определении жанровых признаков исторической песни обусловила разноречивость мнений о времени её возникновения. По А. И. Маскаеву, эрзянская историческая песня, как и русская, сложилась в XVI в., но в своём генезисе восходит к XIII–XV вв. Старшей он считал песню «На горах на Дятловых» [16, 297], однотипную в художественном отношении с ранними русскими историческими песнями. В ней звучат мотивы песен и преданий об эпическом царе Тюштяне, отражён слияние эрзянских земель с русскими в XII–XV вв. М. Ф. Ватанина относит её ко II-ой половине XVI в., старшими называет песни о полоне [4], возникшие в XIII–XVI вв. В. К. Соколова и А. И. Маскаев обосновали: в данных песнях рассказывается о набегах в XVI–XVIII вв. ногайских, крымских и др. татар на Русь и о захвате ими пленников.

Б. Н. Путилов в русских песнях о пленниках отмечает отсутствие связи с поэтической системой эпоса в таких определяющих элементах, как эпическая масштабность и монументальность, гиперболизм, ретардация, широкое применение эпических формул и др. [21, 27]. Отход от поэтической системы эпоса есть и в эрзянских песнях. Эпические жанры сменяют друг друга, продолжая бытовать в художественной системе фольклора, где нет параллельного развития разных эпических жанров и одновременного существования качественно разных

мировоззрений – историко-мифологического и реально-исторического.

Н. И. Кравцов историческими считает «произведения двух типов: а) песни о конкретных исторических событиях и лицах («Взятие Казани», песни об Иване Грозном, Скопине-Шуйском, Ермаке); б) песни, изображающие типичные для той или иной эпохи исторические явления («Авдотья-рязаночка», «Татарский полон») [11, 186]. Этой точки зрения придерживается большинство исследователей. Поэтому даже фольклористы, относящие песни о полоне к историческим балладам [22; 23], включают их в сборники исторических песен [9].

Историческая песня выражает конкретно-историческое сознание народа, в ней действуют персонажи вне героической идеализации и зависимости от мифических сил земли и неба, они соотносимы с определённой социальной и географической средой.

Создателями исторической песни являются современники или участники описываемых событий. Общепризнанная оценка в ней сопряжена с личным восприятием событий и лиц, которые конкретны в отношении времени и пространства. Некоторая свобода в обращении с жизненным материалом и поэтическим наследием делает динамичной её форму. В исторической песне поэтический вымысел и художественно-эстетические обобщения подчинены правде факта, гипербола – лишь сопутствующий фактор.

Изображение истории в духе народного понимания и свобода в обращении с фактами выступают как главные художественные принципы исторической песни. Не всегда находится соответствие песенных событий реальным, допускается смещение их в пространстве, притягивание действия к эпическим фольклорным местам, что не лишает произведения подлинного историзма.

Сюжеты исторических песен передают смысл явлений в типичных эпизодах. Иногда события бывают вымышленными, но связь их с историей сохраняется, ибо вымысел не отрывается от реальной почвы, не искажает логику объективных процессов. Условностью трактовки фактов, принципами отражения мира и организации сюжетов, художественным методом эрзянская песня принципиально не отличается от русской. Последнюю тоже характеризует свободное отношение к фактической стороне истории. Песни изображают события

не совсем так, как они происходили в реальности [18, 9]. Есть сюжеты, «построенные на ситуациях, изображавших отношения не реальные, а идеальные, желаемые. Таковы сюжеты песен об Иване Грозном и казаках, Петре I и солдатах, в которых отношения масс с царём изображены такими, какими они должны быть по представлению народа» [26, 256].

Эрзянские исторические песни собираются в 2 основных типа: в одних описывается история как таковая, в других – история, как она преломляется в судьбе одной семьи, «частных лиц». К произведениям первого типа относятся песни «На горах на Дятловых», «Саманька», о Пугачёве и Павле I; ко второму типу – песни о полоне и о крещении эрзян.

Эрзянские исторические песни образуют 5 тематических циклов: 1) песни о вхождении Эрзи в состав русского государства и о взятии Казани Иваном Грозным, 2) песни о полоне, 3) песни о крещении, 4) песни о Пугачёве, 5) песни о Павле I. Каждый цикл характеризуется жанровым своеобразием песен, составивших 2 типа: 1. Песни общественно-политического содержания, отличающиеся развёрнутыми сюжетами и развитой композицией, повествование в них ведётся в эпическом плане, отношение к действительности выражается вне личных чувств и переживаний героев; 2. Песни лиро-эпического склада, изображающие историческую действительность сквозь призму отношения к ней героев. Их мысли и чувства занимают центральное место в песнях, выступают как психологический комментарий к описываемым событиям.

Объект изображения исторической песни, героического и богатырского эпоса один и тот же: общественно-политические события. Но в героическом и богатырском эпосе история – мифологизированная, не имеющая конкретного приурочения во времени и пространстве. Он говорит о том, что было в далеком прошлом, историческая песня – о реальных событиях и лицах настоящего. Героический и былинный эпос и историческая песня отражают разные ступени развития общественного бытия и общественного сознания народа [31; 32; 10].

По Б. Н. Путилову, исторические песни – жанр, выделяющийся тремя признаками: историзм их изначален; историзм их ограничен; они отражают народное сознание, в котором историзм имеет уже зрелый характер [9], они

повествуют о событиях «политической истории в их последовательности и взаимной связи» [20, 7]. Их объект – одно событие (или эпизод события), рассматривающееся в отрыве от других. Движение истории, её закономерности и причинно-следственные связи передаются внутри цикла.

Пространство и время в исторической песне исторически конкретизированы. В мифе и эпосе время и персонажи творят события и явления, в исторической песне события и персонажи образуют время и пространство, они сюжетно обусловлены [31; 32; 33; 35; 36; 37; 39]. Сознание исторической песни свободно от идеи бога, её наполняют идеология и политика изображаемой эпохи – времени Ивана Грозного, восстаний Разина и Пугачёва, войны 1812 г. и др. Историческая песня освобождается от мифологического и религиозного взгляда при изображении событий и персонажей несмотря на то, что народ продолжает верить в мифологические и религиозные сказания и легенды, сохраняет религиозный взгляд на мир в обыденном сознании. Возникает два сознания: эпико-историческое и обыденное, качественно отличающиеся друг от друга. Песенное сознание становится «теоретическим» сознанием, осмысливающим действительность на уровне понятийного мышления, в масштабах общегосударственного восприятия истории. Обыденное сознание смотрит на события и персонажи через призму прагматического и эмоционального их восприятия. Обыденное сознание не может постигнуть сути исторического процесса, песенное сознание в сфере своего разума находит решение для большинства коллизий и проблем. Происходит это потому, что в сюжете и персонаже фольклорного произведения содержится ответ на поставленный им вопрос. Фольклорный сюжет есть концепция назревшей в недрах народного сознания определённой проблемы, содержащей в себе способ её решения; персонаж есть действующее лицо как орудие решения проблемы [10; 31; 33]. Появление фольклорных сюжетов вынуждается силой обстоятельств, когда эти обстоятельства становятся разумными и поэтому способными дать положительный результат. Илья Муромец из Муромы едет в Киев для того, чтобы встретить Соловья Разбойника, пленить его, привезти к князю Владимиру и на глазах у всей киевской знати казнить.

Сознание народа подразделяется на мифологическое, религиозное, художественное, эстетическое, этническое, историческое, философское и т. д., на сознание обрядовой, героической, исторической, лирической, балладной песни, сказки, легенды, в которых народ имеет особенный образ, по-разному проявляется его менталитет. В исторической песне он предстаёт как исторический демиург, вершитель судеб отечества, знает своё место в череде происходящих событий, мыслит себя в качестве субъекта исторического процесса, познаёт его закономерности, постигает истину факта, причины и следствия. В фольклоре он выдающийся мыслитель с великим интеллектом, социальный и культурный демиург.

В. К. Соколова под историческими понимает песни, повествующие «о многих крупных событиях и деятелях русской истории», показывающие «отношение народа к исторической действительности, к отдельным событиям и лицам» [26, 5–6], народ их оценивает, излагает понимание их смысла, выражает социально-политические взгляды.

Историческая песня не выработала присущих ей одной поэтических приёмов и средств изображения мира, «ярко выраженных жанровых признаков» [26, 8]. Но это не означает, что она не сложилась как жанр. Основной критерий жанра – поэтика произведений, выражающаяся в отношении к действительности, в повествовании о действительных событиях, установка на конкретно-историческую правдивость, стремление осмыслить свой предмет под углом зрения причинно-следственных связей.

В эрзянских исторических песнях рассказывается о тех же событиях XVI–XVIII вв., что и в русских, и им даётся сходное идейно-художественное толкование при совпадении некоторых сюжетов, что указывает на общие художественно-эстетические закономерности в развитии русского и эрзянского фольклора, на существование историко-культурных, типологических и генетических связей. Эрзяне оказались в регионе формирования русской народности, принимали участие в её образовании и в образовании Русского государства (Новгородско-Киевского, Московского), что выработало сходные художественно-эстетические представления. Общая общественно-политическая жизнь стирала различия в быту, порождала одинаковые представления о добре и зле, сближала социальные интересы и идеалы.

Развитие эрзянской исторической песни завершилось песнями о Павле I. Бытование её продолжалось до конца XX в., наряду с ней пелись русские исторические песни.

Эрзянские исторические песни отразили межнациональные отношения, взаимодействовали с русской исторической песней, показали, как историко-культурные связи с русскими отразились на общественно-политическом и эстетическом сознании эрзян и русских.

О наличии взаимосвязей между эрзянским и русским фольклором писали фольклористы и этнографы XIX–XX вв. Некоторые фольклорную общность сводили к заимствованиям. И. Н. Смирнов, анализируя сюжеты эрзянских сказок из сборника «Образцы мордовской народной словесности. Сказки и загадки» [19], посчитал, что многие из них заимствованы у русских, ибо имеют сходство с русскими сказками [24]. Наука XX в. показала, что сходство произведений фольклора может быть вызвано сходством явлений общественной жизни, исторической и культурной типологией, генетическими связями. По В. Г. Белинскому, «чужое, извне взятое содержание никогда не может заменить ни в литературе, ни в жизни отсутствия своего собственного, национального содержания» [3, 25]. Каждый народ создает самобытную культуру, определяемую историческими особенностями его развития. Но чем более развит народ, тем более он заимствует.

Заимствование возможно при появлении сходных общественных идей и эстетических запросов, переплетении национально-исторических интересов: «заимствование предполагает встречную среду с мотивами или сюжетами, сходными с теми, которые приносились со стороны» [5, 9].

В 30-е гг. XX в., размышляя о генезисе сходных явлений эрзянской и русской культур, Т. М. Маркелов писал: «Лишь внимательный анализ каждого культурного явления без патристического «кто – у кого» в состоянии пролить свет на истинный генезис этого явления, на способы возникновения культурных ценностей и, наконец, на степень проявления творческих усилий отдельных соседствующих народов в создании той или иной культуры современности» [14, 62]. П. Г. Любомиров, отметив, что Эрзя – давнишний сосед русских, «живший под их воздействием и, конечно, на них влиявший», говорил о важности её изучения «для уяснения

сложения русской культуры в отдаленные эпохи» и «во времена к нам ближайшие и наши» [12, 244–245].

А. В. Марков полагал, что русские песни «Каннибалское угощение» и «О коне и соколе» заимствованы у эрзян, а эрзянские песни «Саманька» и о солдатчине возникли под влиянием русского фольклора [15, 42–46]. О влиянии русской песни на эрзянскую говорил А. А. Шахматов [34, 5, 715]. Д. К. Зеленин сходство мифологических образов у русских и эрзян объяснял тем, что языческая религия славянских и финских племён имела много общего [8, 13]. В. Н. Майнов писал о росте влияния русской культуры на эрзянскую, что вело к обрусению Эрзи [13]. Б. М. Соколов указывал на взаимопроникновение русской и эрзянской материальной и духовной культур, вызванное совместной жизнью народов [25, 13–14]. Х. Паасонен считал, что русская песня так глубоко вошла в быт эрзян, что оказалась в репертуаре и поэтическом строе их песен [38, 153–192]. В. Ф. Миллер отметил сходство эрзянских преданий и песен о Казанском походе Ивана Грозного с русскими [17, 16].

Из исследователей второй половины XX в. заметный вклад в уяснение сущности русско-эрзянских фольклорных отношений внесли К. Т. Самородов (паремическое творчество, обрядовая поэзия), Л. С. Кавтаськин (эпическая и лирическая песни), В. И. Костин (распространение среди населения Мордовии русских песен и их влияние на эрзянские и мокшанские). Важные аспекты затрагивает статья Н. Н. Алексеева «Исторические связи мордовского фольклора и фольклора славянских народов», актуализирующая вопросы об истоках схождения и общности сюжетов и идейного содержания эпических произведений Эрзи и славянских народов [2, 33–40]. Сравнительному изучению эрзянских и русских исторических песен значительное внимание уделено в монографии А. И. Маскаева «Мордовская народная эпическая песня» [16] и в диссертации А. М. Шаронова «Русско-мордовские фольклорные отношения: исторические песни XVI–XVIII веков» [30], в которых раскрывается сходство и общность сюжетов и персонажей, поэтики и эстетики песен, их идейного содержания.

С середины XVI в., когда эрзяне оказались в составе русского централизованного государства, русско-эрзянские отношения приобрели новый характер. Жизнь эрзян и русских уравнилась,

их общественно-политические интересы стали сходными. В эрзянских исторических песнях XVI–XVIII вв. говорится о судьбах всей России, героями выступают русские цари Иван Грозный и Павел I, крестьянские вожди Разин и Пугачев, решаются социально-политические проблемы общерусского масштаба. Эрзяне усваивали русский язык, воспринимали произведения русского фольклора, знакомили русских с богатством своего устного поэтического творчества. Во многих местах и русские знали эрзянский язык. В сёлах Саратовской губернии – Синенькие, Камаевка и Ерёмкино – М. Т. Маркелов в начале XX в. был свидетелем курьёзов: эрзянин при встрече с русским старался говорить по-русски, а последний – по-эрзянски, отчего получался временный обмен языком [14, 61–62]. Создавалась ситуация, способствовавшая выработке синонимичных эстетических критериев действительности, усвоению поэтических особенностей произведений, их поэтики.

Сходство эрзянской и русской исторической песни обусловлено общностью исторического контекста произведений и художественно-эстетической природой жанра, своеобразием его сознания, способом мышления персонажей и особенностями восприятия ими исторической действительности. Историческая песня воспроизводит общее, типическое, закономерное в социальной реальности, ищет в ней причинно-следственные связи и отношения. И в ракурсе этого взгляда возникают сюжеты и действующие лица, идеи и социально-исторические концепции, средства поэтической выразительности.

Во второй половине XX в. историческая песня стала забываться. Во время фольклорных экспедиций 1970–1976 гг. записаны варианты песен о полоне и Павле I, несколько песен и преданий о событиях середины XVI в., связанных с падением Казани. Из русских исторических песен у эрзянского населения были популярны «Соловей кукушку уговаривал», «Казак Платон», «Царь Александр», песни литературного происхождения «Словно море в час прибоя...», «Из-за острова на стрежень...» и др.

Обсуждение и заключение

Эрзянская историческая песня как жанр оформилась в XVI в. Основными её признаками

являются актуальный историзм, выразившийся в повествовании о конкретных исторических событиях и лицах XVI–XVIII вв., изложение народного взгляда на реальные исторические явления, стремление воспроизвести типическое, закономерное, общее. Параллельно с актуальным историзмом развивалось лирическое восприятие мира, что сказалось в особенностях психологии действующих лиц и в оценке ими происходящего. Данная особенность указывает на переход от мифолого-эпических форм повествования к эпико-историческим формам, в которых начинают угадываться причинно-следственные связи. По характеру поэтического вымысла

и художественного метода эрзянская историческая песня и русская историческая песня близки.

Исторические песни бытовали одновременно с лирическими песнями. Взаимодействие их сюжетов, мотивов, персонажей, мелодий, мимозерцаний во всей полноте выражали мысли и настроения людей того времени, делали их жизнь осмысленной и разумной, вносили в неё веселье и грусть, печаль и радость, поддерживали в трудные минуты примерами героических выдающихся персонажей, благородством лирических образов, торжеством идей блага и справедливости, монументальным чувством Родины, родимой земли.

Список источников и литературы

1. Акимова Т. М. О жанровой природе русских «удалых» песен // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 5. С. 183–199.
2. Алексеев Н. Н. Исторические связи мордовского фольклора и фольклора славянских народов // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1972. С. 33–40.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 10. Статьи и рецензии. 1846–1848. 474 с.
4. Ватанина М.Ф. Мордовские исторические песни: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1968. 24 с.
5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940. 648 с.
6. Емельянов Л. И. Из истории определения исторической песни: (к вопросу о предмете изучения) // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л.: Наука, 1958. Т. 3. С. 5–25.
7. Емельянов Л. И. Историческая песня и действительность // Русский фольклор: материалы и исследования. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 10. С. 196–227.
8. Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. СПб.: Тип. А. В. Орлова, 1916. Вып. 1. 312 с.
9. Исторические песни XIII–XVI веков. М.; Л.: АН СССР, 1960. 696 с.
10. Косинцева Е. В. Историческая тема в прозе Р. П. Ругина // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 259–267.
11. Кравцов Н. И. Проблемы славянского фольклора. М.: Наука, 1972. 360 с.
12. Любомиров П. Г. О важности изучения мордвы // Саратовский этнографический сборник. Саратов: Мордовский п/отд. Губ. отд. по делам национальностей при Саратовском губисполкоме, 1922. Вып. 1. С. 241–249.
13. Майнов В. Н. Один день среди мокши // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 3. № 10. С. 117–134.
14. Маркелов М. Т. К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских // Этнография. 1930. № 1–2. С. 61–62.
15. Марков А. В. Отношения между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии в связи с вопросом о происхождении великорусского племени: с приложением свидетельства персидского географа X в. о племенах Буртас и Бердас и песен обрусевшей мордвы Нижегородского уезда. Тифлис: Тип. Канцелярии Наместника Е.И.В. на Кавказе, 1914. 62 с.
16. Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. 440 с.
17. Миллер В. Ф. Русские и инородческие предания о Казанском походе Ивана Грозного // Этнографическое обозрение. 1913. № 1–2. С. 1–23.
18. Народные исторические песни. М.; Л.: Советский писатель, 1962. 405 с.
19. Образцы мордовской народной словесности. Казань: Тип. губернского правления, 1885. Вып. 2. 157 с.
20. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: ГИХЛ, 1958. 603 с.
21. Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М.; Л.: Наука, 1960. 300 с.
22. Родионов М. С. Проблема исторической хронологии вариантов песен цикла «Взятие Казани» // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6 (416). С. 166–172.

23. Селиванов Ф. М. Исторические песни // Русское народное поэтическое творчество. М.: Просвещение, 1971. С. 174–189.
24. Смирнов И. Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии. Казань. 1886. Т. VI. Вып. 1. С. 59
25. Соколов Б. М. Этнографическое изучение Саратовского края // Саратовский этнографический сборник. Саратов: Мордовский п/отд. Губ. отд. по делам национальностей при Саратовском губисполкоме, 1922. Вып. 1. С. 3–28.
26. Соколова В. К. Русские исторические песни XVI–XVIII веков. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 330 с.
27. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. Эпические и лиро-эпические песни. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. 399 с.
28. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1. Кн. 2. Исторические песни XVI–XVIII вв. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. 352 с.
29. Чичеров В. И. Вопросы теории и истории народного творчества. М.: Советский писатель, 1959. 309 с.
30. Шаронов А. М. Русско-мордовские фольклорные отношения (исторические песни XVI–XVIII веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1973. 21 с.
31. Шаронов А. М., Шаронова Е. А. О некоторых особенностях эрзянского героического эпоса // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. Вып. 3. С. 47–60.
32. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. Финно-угорские контексты русских былин // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 2. С. 356–367.
33. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. Основные концепты эрзянской мифологии // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 328–339.
34. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. 848 с.
35. Gagaev A. A., Gagaev P. A. and etc. Mastorava by A. M. Sharonov: metaepos of tragedy and uthopy and prachtopy of erzya ethnos // International journal of Russianstudies. 2015/1.4. URL: http://www.ijors.net/issue4_1_2015/articles/alexandrovic_alexandrovich_valerivich_victorovna.html (дата обращения: 18.02.2019).
36. Hamlet T. Y. To the question of understanding motif in foreign and Russian folklore science // Traditional culture. 2013. №2 (50). P. 114–124.
37. Ingle O. P. Book Review: Andrejs Plakans. A Concise History of the Baltic States. Cambridge, UK: Cambridge UP, 2011. 472 p. // Slavic and East European Journal, SEEJ–57. P. 134.
38. Paasonen H. Uber der Versbau Mordwinische Volksliedes // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1910. B. 10. № 1–3. Pp. 153–192.
39. Wilson W. A. The Marrow of Human Experience. Essays on Folklore. Ed. J. T. Rudy. Logan: Utah State University Press. UT, 2006. 423 p.

References

1. Akimova T. M. *O zhanrovoj prirode russkih «udalyh» pesen* [About the genre nature of Russian «bold» songs]. *Russkij fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian folklore: materials and research]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. Vol. 5. pp. 183–199. (In Russian)
2. Alekseev N. N. *Istoricheskie svyazi mordovskogo fol'klora i fol'klora slavyanskih narodov* [Historical relations of Mordovian folklore and folklore of the Slavic people]. *Problemy izucheniya finno-ugorskogo fol'klora* [Problems of the study of Finno-Ugric folklore]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1972. pp. 33–40. (In Russian)
3. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t* [Full collection of works: in 13 vol.]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1956. Vol. 10. 474 p. (In Russian)
4. Vatanina M.F. *Mordovskie istoricheskie pesni* [Mordovian historical songs]. Saransk, 1968. 24 p. (In Russian)
5. Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad: Hudozh. lit. Publ., 1940. 648 p. (In Russian)
6. Emelyanov L. I. *Iz istorii opredeleniya istoricheskoy pesni: (k voprosu o predmete izucheniya)* [From the history of the definition of a historical song: (to the question of the subject of study)]. *Russkij fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian folklore: materials and research]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1958. Vol. 3. pp. 5–25. (In Russian)
7. Emelyanov L. I. *Istoricheskaya pesnya i dejstvitel'nost'* [Historical song and reality]. *Russkij fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian folklore: materials and research]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966. Vol. 10. pp. 196–227. (In Russian)
8. Zelenin D. K. *Ocherki russkoj mifologii* [Essays on Russian mythology]. Saint-Petersburg: Tip. A. V. Orlova Publ., 1916. Vol. 1. 312 p. (In Russian)

9. *Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov* [Historical songs of the XIII–XVI centuries]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1960. 696 p. (In Russian)
10. Kosintseva E. V. *Istoricheskaya tema v proze R. P. Rugina* [Historical theme in the prose by R. P. Rugin]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (2), pp. 259–267. (In Russian)
11. Kravtsov N. I. *Problemy slavyanskogo fol'klora* [Problems of Slavic folklore]. Moscow: Nauka Publ., 1972. 360 p. (In Russian)
12. Lyubomirov P. G. *O vazhnosti izucheniya mordvy* [About the importance of the study of the Mordovians]. *Saratovskij etnograficheskij sbornik* [Saratov Ethnographic Collection]. Saratov: Mordovskij p/otd. Gub. otd. po delam nacional'nostej pri Saratovskom gubispolkome Publ., 1922. Vol. 1. pp. 241–249. (In Russian)
13. Maynov V. N. *Odin den' sredi mokshi* [One day among the Moksha]. *Drevnyaya i novaya Rossiya* [Ancient and new Russia], 1878, no. 3 (10), pp. 117–134. (In Russian)
14. Markelov M. T. *K voprosu o kul'turnyh vzaimootnosheniyah finnov i russkih* [To the question of cultural relations between the Finns and the Russians]. *Etnografiya* [Ethnography], 1930, no. 1–2, pp. 61–62. (In Russian)
15. Markov A. V. *Otnosheniya mezhdru russkimi i mordvoyu v istorii i v oblasti narodnoj poezii v svyazi s voprosom o proiskhozhdenii velikoruskogo plemeni: s prilozheniem svidetel'stva persidskogo geografa X v. o plemenah Burtas i Berdas i pesen obrusevshej mordvy Nizhegorodskogo uezda* [Relations between the Russians and the Mordovians in history and in the field of folk poetry in connection with the question of the origin of the Great Russian tribe: with the appendix of evidence of the Persian geographer of the X century about the Burtas and Berdas tribes and the songs of the Russified Mordovians of Nizhny Novgorod District]. Tiflis: Tip. Kancel'yarii Namestnika E. I. V. na Kavkaze Publ., 1914. 62 p. (In Russian)
16. Maskaev A. I. *Mordovskaya narodnaya epicheskaya pesnya* [Mordovian folk epic song]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1964. 440 p. (In Russian)
17. Miller V. F. *Russkie i inorodcheskie predaniya o Kazanskom pohode Ivana Groznogo* [Russian and foreign legends about the Kazan campaign of Ivan the Terrible]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1913, no. 1–2, pp. 1–23. (In Russian)
18. *Narodnye istoricheskie pesni* [Folk historical songs]. Moscow; Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 1962. 405 p. (In Russian)
19. *Obrazcy mordovskoj narodnoj slovesnosti* [Samples of Mordovian folk literature]. Kazan: Tip. gubernskogo pravleniya Publ., 1885. Vol. 2. 157 p. (In Russian)
20. Propp V. Ya. *Russkij geroicheskij epos* [Russian heroic epos]. Moscow: GIHL Publ., 1958. 603 p. (In Russian)
21. Putilov B. N. *Russkij istoriko-pesennyj fol'klor XIII–XVI vekov* [Russian historical and song folklore of the XIII–XVI centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1960. 300 p. (In Russian)
22. Rodionov M. S. *Problema istoricheskoy hronologii variantov pesen cikla «Vzyatie Kazani»* [Problem of the historical chronology of variants of the songs of cycle «The Capture of Kazan»]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2018, no. 6, pp. 166–172. (In Russian)
23. Selivanov F. M. *Istoricheskie pesni* [Historical songs]. *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Russian folk poetry]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1971. pp. 174–189. (In Russian)
24. Smirnov I. *Neskol'ko slov o russkom vliyani na inorodcev Kazanskogo kraja* [A few words about the Russian influence on the allogeneous of the Kazan region]. *Izvestiya Obshchestva Arheologii, Istorii i Etnografii* [News of the Society of Archeology, History and Ethnography]. Kazan: [w/p], 1886. Vol. VI, no. 1. pp. 59. (In Russian)
25. Sokolov B. M. *Etnograficheskoe izuchenie Saratovskogo kraja* [Ethnographic study of Saratov region]. *Saratovskij etnograficheskij sbornik* [Saratov Ethnographic Collection]. Saratov: Mordovskij p/otd. Gub. otd. po delam nacional'nostej pri Saratovskom gubispolkome Publ., 1922. Vol. 1. pp. 3–28. (In Russian)
26. Sokolova V. K. *Russkie istoricheskie pesni XVI–XVIII vekov* [Russian historical songs of the XVI–XVIII centuries]. Moscow: Izd-vo Akad.nauk SSSR Publ., 1960. 330 p. (In Russian)
27. *Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. T. 1. Epicheskie i liro-epicheskie pesni* [Oral and poetic creativity of the Mordovian people. Vol. 1. Epic and lyro-epic songs]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. 399 p. (In Russian)
28. *Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda. T. 1. Kn. 2. Istoricheskie pesni XVI–XVIII vv.* [Oral and poetic creativity of the Mordovian people. Vol. 1. Book 2. Historical songs of the XVI–XVIII centuries]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1977. 352 p. (In Russian)
29. Chicherov V. I. *Voprosy teorii i istorii narodnogo tvorchestva* [Issues of theory and history of folk art]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ., 1959. 309 p. (In Russian)

30. Sharonov A.M. *Russko-mordovskie fol'klornye otnosheniya (istoricheskie pesni XVI–XVIII vekov)* [Russian-Mordovian folklore relations (historical songs of the XVI–XVII centuries)]. Saransk, 1973. 21 p. (In Russian)
31. Sharonov A. M., Sharonova E. A. *O nekotoryh osobennostyah erzyanskogo geroicheskogo eposa* [About some features of Erzya heroic epos]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2018, no. 12 (3), pp. 47–60. (In Russian)
32. Sharonova E. A., Sharonov A. M. *Finno-ugorskie konteksty russkih bylin* [Finno-Ugric contexts of Russian bylina]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, no. 13 (2), pp. 356–367. (In Russian)
33. Sharonova E. A., Sharonov A. M. *Osnovnye koncepty erzyanskoj mifologii* [Basic conceptions of Erzya mythology]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (2), pp. 328–339. (In Russian)
34. Shakhmatov A. A. *Mordovskij etnograficheskij sbornik* [Mordovian ethnographic collection]. Saint-Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1910. 848 p. (In Russian)
35. Gagaev A. A., Gagaev P. A. and etc. Mastorava by A. M. Sharonov: metaepos of tragedy and uthopy and prachtopy of Erzya ethnos. *International journal of Russian studies*. 2015/1.4. Available at: http://www.ijors.net/issue4_1_2015/articles/alexandrovic_alexandrovich_valerivich_victorovna.html (accessed February 18, 2019). (In English)
36. Hamlet T. Y. To the question of understanding motif in foreign and Russian folklore science. *Traditional culture*, 2013, no. 2 (50), pp. 114–124. (In English)
37. Ingle O. P. Book Review: Andrejs Plakans. A Concise History of the Baltic States. Cambridge, UK: Cambridge UP, 2011. 472 p. *Slavic and East European Journal, SEEJ–57*, p. 134. (In English)
38. Paasonen H. Uber der Versbau Mordwinische Volksliedes. *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 1910, no. 10 (1–3), pp. 153–192. (In German)
39. Wilson W. A. *The Marrow of Human Experience. Essays on Folklore*. Ed. J. T. Rudy. Logan: Utah State University Press. UT, 2006. 423 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Шаронов Александр Маркович, главный научный сотрудник ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Богдана Хмельницкого, 39а), доктор филологических наук, профессор.

sharon.ov@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-2724-3112

Шаронова Елена Александровна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ-ВО «Национальный Исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

sharon.ov@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-0221-4427

ABOUT THE AUTHORS:

Sharonov Alexander Markovich, Chief Researcher, Scientific Center of Social and Economic Monitoring (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bogdan Khmel'nitsky st., 39A), Doctor of Philological Sciences, Professor.

sharon.ov@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0002-2724-3112

Sharonova Elena Alexandrovna, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences.

sharon.ov@mail.ru

ORCID.ID: 0000-0003-0221-4427